

ПИСЬМА ГОРЬКОГО В СИБИРЬ

Редакция «Сибирских огней» получила для опубликования в журнале двадцать три письма А. М. Горького к В. И. Ануцину.*) Переписка охватывает длительный период — одиннадцать лет. Первое письмо датировано 4 ноября 1903 г., последнее — 14 июня 1914 г. За исключением двух лет — 1906 и 1907 — письма от Алексея Максимовича Ануцина получал ежегодно. Особенно оживленной переписка была в 1912 году — Ануцин получил от Горького за этот год девять писем.

Алексей Максимович переписывался со многими сибиряками. Но, из дореволюционной переписки письма Ануцину являются наиболее интересными, наиболее ценными из всех известных нам писем Горького сибирякам. В письмах Ануцину рассыпано много глубоких мыслей, ценных высказываний о Сибири, о сибиряках, о сибирской литературе.

Горький любил Сибирь и всегда проявлял к ней глубокий интерес. Еще в «Истории русской литературы», над которой Алексей Максимович работал в 1907—1908 годах, он писал: «Русский народ... без помощи государства захватил и присоединил к Москве огромную Сибирь, руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр. Он, в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев, открывал новые места, проливы — на свой счет и за свой страх... Этим народом сделано много дела, у него есть большая история».

Сибирь интересовала великого писателя своим «здоровым, крепким, как запах молодой сосны» духом, она влекла его к себе своим «бунтарским» характером. «У сибиряков от природы хорошие задатки, здоровая кровь» — бросает Горький в одном из писем. В 1903 г., получив информацию о восстании красноярских казаков в 1698 г., Горький восхищенно писал Ануцину: «Чертовски интересно. Выходит, что вы, сибиряки, опередили и стрельцов и Пугачева — исконные бунтовщики!» «Какие у вас, сибиряков, бунтовские корнища длинные!» — восклицает он в другом письме в связи с новыми сведениями, которые прислал ему Ануцин.

В письме, датированном 1903 г., А. М. писал: «Я вообще думаю, что Сибири пора выходить на широкую дорогу. Крепостного права вы не знали, от царя жили далеко, страна просторная и богатая, политическая ссылка вам немало дала. Ну, сибиряки, двигайте вперед!». И в третьем письме такие, полные веры и оптимизма, слова: «Не видел я Сибири, но много видел сибиряков — это особый народ, — и несомненно верю, что он может сделать большую работу».

Горький пользовался каждым случаем, каждым поводом, чтобы ободрить сибиряков, поддержать и укрепить в них революционные стремления, натолкнуть на «большую работу». В 1908 г. А. М. узнал об участии Ануцина в «Красноярской республике». Горькому «пожаловались», что Ануцин «перехватывал» крайними предложениями, для которых мы «еще не созрели». «Но вы знаете, что я неравнодушен к безумству храбрых, — пишет Алексей Максимович Ануцину, — а потому душевный вам привет!»

В 1912 г. Горький познакомился со стихами сибирского поэта Кашинцева. «Вообще-то он «неопределившийся», — дает заключение о стихах Кашинцева Алексей Максимович, — но мне нравится в нем дух бунтарства. «Зачем молчать» (название стихотворения. С. Н.) — очень недурно и вполне правильно; молчать незачем. И, еще раз, приятно, что вы, Сибирь, хотите говорить. Кричи, ребята! Русь услышит!»

В том же 1912 году Горький призывает: «Вы люди здоровые, — будите же самих себя, да и всю Русь к здоровой деятельности жизни!»

Восхищаясь Алексеем Максимовичем обилием талантливых людей в Сибири. «Очень прошу — не забудьте, пожалуйста, и напишите мне: в какой именно книге Крижанич (автор книги «Политические думы», жил в Сибири в 1661—1676 гг. С. Н.) излагает мысль о необходимости вмешательства государства в экономическую жизнь страны? Ведь это же чертовски интересно! И в какие именно годы он жил в Сибири? А может быть, еще какие-нибудь знаменитости жили в вашей бесподобной Сибири и писали работы по философии истории? А? Может быть Данте или Мильтон?»

Горький поинтересовался. Но через три месяца он писал Ануцину: «Около десяти лет тянется наша с вами переписка — и все-таки у вас находится чем ушибить меня. Ну, и Сибирь! Ну, и сибиряки! Ведь я совершенно искренне пошутил, говоря о Мильтоне, имеющем отношение к Сибири, а оказывается, как говорят — в точку попал. Всему культурному миру известно, что Мильтон больше всего райскими делами занят, а на деле оказалось, что он специализируется по сибирским вопросам!»

В письмах затрагивается множество разных вопросов, связанных с Сибирью: об истории Сибири, об областничестве, о противоречиях между Азиатской и Европейской Россией, об освободительном движении, о международных делах, касающихся Сибири. Все эти вопросы Горький освещает с большевистских позиций, иногда ссылаясь на личные высказывания по тому или иному «сибирскому» вопросу В. И. Ленина. Так, например, о сибирском областничестве Алексей Максимович пишет Ануцину: «Ваша установка по вопросу о будущем Сибири вызвала

горячую дискуссию. Вы придаете особое значение мнению Влуд (Вл. Ульянова. С. Н.) — вот оно, между прочим, принято всеми». Далее Горький сообщает, что по мнению Ленина нужно поддерживать



А. М. ГОРЬКИЙ.
Скульптура И. Шадря.

не культурническое, а революционное областничество. «По этому вопросу Влуд будет вам писать детально, — сообщает Алексей Максимович, — а вы к нему прислушайтесь — это человек большого плавання».

В. И. Ануцин был лично знаком с В. И. Лениным, переписывался с ним. В письмах Горького есть следующие об этом строки: «Между прочим, В. Ул. часто вспоминает «сибирского шамана» и о тех беседах, которые вы вели с ним во время похождения в Юдинскую библиотеку (в Красноярске, где В. И. Ленин провел некоторое время на пути в шуненскую ссылку). Забавно выходит, когда он в лицах изображает, как вы, рыча октавой, завлекаете его в сибирскую веру».

14 октября 1908 г. Горький сообщает Ануцину: «Ваше письмо к Вл. Ул. все-таки до него дошло. Он будет писать вам подробно с оказией, а пока просит передать и большую благодарность и братский привет, к чему и я присоединяюсь».

Особенно много в письмах Горького высказываний о литературе, о сибирских писателях, об их произведениях. Известно, что Алексей Максимович в дореволюционные годы из всех областей России был особенно крепко связан с литературной жизнью Сибири. И это не случайно. «Я придаю большое значение сибирской литературной мобилизации, — писал он Ануцину в 1912 году, — и она важна не только сама по себе, но и как толчок для всей Руси». Об этом же Горький писал еще в 1903 г. в своем первом письме Ануцину: «Сибирские темы, только не берите их слишком узко, это богатейший источник, он может освежить нашу литературу, а тут затхлость попахивает».

Алексей Максимович глубоко верил в возможность «сибирской литературной мобилизации». «Сибири пора иметь не только новеллистов, — писал он в 1909 году, — но и писателей, работающих в крупных масштабах... У вас, сибиряков, от природы хорошие задатки, здоровая кровь. Если Сибирь в науке дала Менделеева, а в живописи Сурикова, то почему бы ей не дать такую же величину в литературе? Я думаю, что наш будущий крупный романист будет из сибиряков».

В течение многих лет великий пролетарский писатель непосредственно сам занимался «литературной мобилизацией» Сибири. В 1912—1913 годах он знал по письмам и рукописям всех писателей, работающих тогда в Сибири, писал им письма, давал советы, читал и правил рукописи, лучшие печатал в центральных изданиях.

Горький не ждал, когда тот или иной молодой сибирский писатель придет ему свою рукопись. Он очень увидит где-то в глуши, за тысячи верст от центра, человека, который, говоря словами Маяковского, «изводит единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Алексей Максимович узнавал его адрес, завязывал переписку, сообщал ему «известную долю своего опыта». И письма эти всюду несли товарищеские советы, слова бодрости, поддержки.

Советы Алексея Максимовича помогали правильно понять задачи литературы, помогали работать, помогали расти. Указания, которые давал он сибирякам, злободневны и сейчас.

«Бытовик нудный народ, не видят дальше своего носа и описывают, а не творят» — совершенно верно! — пишет Горький в 1910 году. — Потому и скучна наша литература. Нет творческого претворения наблюдений, синтеза нет. А кроме того, ужасный посконный язык! Теряйте, тормозите ваших сибирских бытовиков, пусть не засиживаются в пригрозительном классе».

Через три года, а именно 19 мая 1913 г., эту же мысль Алексей Максимович развивает в следующих блестящих, глубоко правильных словах: «Быт нужно на фундамент укладывать, а не на фасад налеплять. Местный колорит — не в употреблении словечек: тайга, займка, шаньга — он должен изнутри выширать

Шире, братики, берите, — глубже заглядывайте, ведь Сибирь страна с большими горизонтами».

Алексей Максимович прямо указывал на недостатки в творчестве сибирских писателей. Но он бурно радовался каждой удаче писателей-сибиряков, с удовольствием писал об этом, повторял много раз. Почти все его письма в Сибирь неизменно пестрят такими фразами:

«Прочитал ваш рассказ «Уважили». Хорошая, сильно написанная вещь... Радуюсь и за вас и за читателей» (4 ноября 1903 г.).

«Давайте вашу руку! Хотя и я вышел из детского возраста, но все-таки с большим удовольствием прочитал вашу детскую повесть «По горам и лесам». Прекрасно! Представляю, как будут зачитываться ребята». (23 декабря 1903 г.).

«Очень благодарен. Получил ваши легенды и словарь. Спасибо. Вы так богаты фольклорным материалом, что я вам завидую. Писатель, не «обладающий знаниями фольклора, — плохой писатель. В народном творчестве сокрыты беспредельные богатства, и добросовестный писатель должен ими овладеть. Только тут можно изучить родной язык, а он у нас богат и славен. Ваша обработка народных сказаний и легенд — хорошее начинание... Что касается областного словаря, то это целое сокровище». (7 февраля 1904 г.).

«Очень рад сказать вам, что в новых вещах вы являетесь серьезнее и проще». (1910 г.).

«Много хорошего народа у вас, как чувствуется. Весьма любопытен у вас Тачалов». (1912 г.).

«Ох, и большое вам спасибо за потанинскую сагу («Сага о Соломоне». С. Н.) — прочитал залпом, а потом набело стал с карандашом читать. И дочего вы, сибиряки, материалом заряжены густо». (10 июля 1912 г.).

«Я вполне согласен, что Шишков может развернуться в крупного писателя, но до сих пор он пишет неуверенно, оглядываясь по сторонам и чуточку под Ремизова, словно боится быть оригинальным, самим собою. Кроме того, ему нужно остерегаться: как бы не сбиться на дорогу сибирского Лейкина. Вы не обижайтесь за приятеля — я добра ему желаю, как и всем вам». (1912 г.).

«Ура! Получил первые материалы для сборника («Сибирского сборника», который А. М. намеревался издать в центре. С. Н.) и немедленно прочитал. Сразу два новых автора! Рассказ Гл. Байкалова очень хорош. Несомненно автор с большим будущим, несомненно! Пожалуйста, напишите возможно подробно — кто такой ваш Байкалов (псевдоним Федора Гладкова. С. Н.) и передайте ему мой привет. Свежи и сочны алтайские этюды Бахметьева, хороши. Сообщите подробности о Бахметьеве, он тоже далеко пойдет — далеко!»

«Итак, первый том сборника сформирован. Участвуют: Ануцин, Байкалов, Бахметьев, Гребенников, Драверт, Новоселов, Тачалов, Шишков... Да, ведь это целая золотая россыпь». (19 ноября 1913 г.).

Издать «Сибирский сборник» не удалось. От этой «затеи» отказались почему-то сами сибиряки. Но Алексей Максимович не оставлял мысль выпустить специальный сборник сибирских писателей, к которому он намеревался «написать маленькое предисловие, выясняющее внутренний социально-психологический смысл сборника».

Горький считал, что издания только «Сборника» мало. Для настоящей литературной мобилизации Сибири нужен журнал. И Алексей Максимович пишет в 1912 г. Ануцину: «Вот вам бы, сибирякам, пора издавать толстый журнал, ой, пора! И силы у вас есть, и вопросов, требующих разработки, — непочатый край... Чужесное бы дело. Чем глотать отраву, истекающую с гнилых берегов Балтики, дышали бы своим здоровым воздухом».

Через несколько месяцев он снова повторяет свое предложение: «А толстый журнал вам абсолютно необходим — сборником не обойтись».

Идея Горького об издании сибирского литературно-художественного журнала осуществилась после Октябрьской социалистической революции. В 1922 г., когда на окраинах Сибири шли еще бои гражданской войны, в центре края, в Новосибирске, загорелся литературный костер — «Сибирские огни». Это очень обрадовало Алексея Максимовича. Он неослабно следил за ним, за каждой его искрой. Он незримо был сам около этого костра, помогал ему гореть ярко, устранял причины, которые могли ослабить силу его света.

Возникновение литературно-художественных журналов в областях Горький справедливо расценивал, как «великое культурно-революционное дело».

«Отличная культурная работа «Огней» разожжет духовную жизнь грандиозной Сибири», — высказывал уверенность Алексей Максимович.

Стали еще чаще поступать письма Горького в Сибирь, еще больше стали крепнуть связи А. М. с Сибирью, с «краем социалистического сознания». Он писал в тайгу алданским золоторазведчикам, в Анжерку учительнице Осиповой, в Томск — профессорам и бывшим беспризорникам, в с. Баево — колхознику Васечко, в Кемерово — литкружковцам, в Иркутск и Игарку — пионерам, в Новосибирск — писателям.

Пора собрать все письма Горького в Сибирь, пора собрать воспоминания сибирских писателей, колхозников, рабочих, пионеров, которые встречались с великим пролетарским писателем. Пора собрать каждую строчку Горького о Сибири. И все это любовно издать отдельной книгой.

Это будет ценнейшая книга в руках сибиряков, строящих социализм в крае, горю, краем кандалов и смертей. Это будет книга, мобилизующая сибирских писателей на создание высокохудожественных произведений о Сибири, о социальном человеке, о социализме. Книга, помогающая росту новых литературных дарований.

С. КОЖЕВНИКОВ.